

ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

УДК

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по науке
_____ Кружаев В.В.
«__» _____ 2013

ОТЧЕТ

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

В рамках выполнения п.2.1.2.1 Плана реализации мероприятий Программы развития
УрФУ на 2013 год

ПО ТЕМЕ:

«“Вулкан” Клауса Манна как эмигрантский роман»
(Заключительный)

Договор возмездного оказания услуг (выполнения работ, на создание произведения)
№2.1.2.1/34

Зав.кафедрой

(подпись, дата)

Ж.А. Храмушина

Научный руководитель

(подпись, дата)

Т.В. Попова

Исполнитель

(подпись, дата)

А.С. Поршнева

Екатеринбург 2013

Реферат

1. ФИО автора (ов): Алиса Сергеевна Поршнева

Alisa Sergeyevna Porshneva

2. Аннотация:

Работа посвящена вопросам поэтики эмигрантского романа К. Манна «Вулкан». Рассматривается феномен пространства эмиграции, которое в аксиологическом инвертировано по отношению к пространству классического мифа, а также различные аспекты взаимодействия пространства и сюжета. В работе показывается влияние пространственной динамики на сюжетообразование и выявляется особый статус категории события – перехода границы между миром мертвых и миром живых. Выводы работы касаются как пространства и сюжета в романе «Вулкан», так и вопросов поэтики эмигрантского романа в целом.

The paper deals with various aspects of poetics of Klaus Mann's exile novel "The Volcano". The author of the paper considers the phenomenon of exile space which is based on the space model existing in classic forms of myth. Value inversion of exile space via space of myth is considered, as well as various aspects of interrelation between the novel's plot and space structure. The author shows the influence of the space's dynamic processes on plot building and analyzes the event's character which is crossing a symbolic border between the dead world and the living one. The main ideas of the paper concern not only space and plot in Klaus Mann's novel but poetics of the exile novel as well.

3. Ключевые слова: К. Манн; эмиграция; эмигрантский роман; пространство; сюжет; переход границы; культурный герой; катарсис; циклический сюжет; катарсический сюжет.

K. Mann; exile; exile novel; space; plot; border crossing; cultural hero; catharsis; cyclic plot; cathartic plot.

4. Тема отчета: «Вулкан» Клауса Манна как эмигрантский роман

Klaus Mann's novel "The Volcano" as exile novel

Содержание

Обозначения и сокращения	4
Введение	5
Основная часть	9
1. Пространство эмиграции	9
2. Категория события: комплекс перехода границы	13
3. Пространственная динамика как сюжетообразующий фактор.	
Катарсический сюжет	17
Заключение	24
Список использованных источников	26
Приложение	28

Обозначения и сокращения

ПЭ – пространство эмиграции

ПГ – переход границы

ЦС – циклический сюжет

КС – катарсический сюжет

КГ – культурный герой

Введение

Материалом исследования стал роман «Вулкан», созданный немецким писателем-эмигрантом Клаусом Манном. Покинув национал-социалистическую Германию в 1933 году, Манн провел в эмиграции более десяти лет и сделал свой опыт объектом художественного осмысления в романах «Бегство на север» (1934) и «Вулкан» (1939). Оба эти произведения практически не замечены исследователями, и Манн известен почти исключительно как автор романа «Мефистофель»¹. Ни «Бегство на север», ни «Вулкан» не изучались историками литературы и не переведены на русский язык. Такое слабо выраженное внимание к фигуре К. Манна объясняется, по мнению Б. Хазанова, тем, что он всю жизнь оставался в тени отца и дяди – знаменитых писателей Томаса и Генриха Манна².

С нашей точки зрения, данную лакуну стоит заполнить в первую очередь потому, что в упомянутых романах К. Манна реализуется ряд закономерностей поэтики немецкого эмигрантского романа – жанра, сформировавшегося в немецкой эмигрантской литературе в 1930-е годы, когда около 5500 деятелей культуры, в том числе значительное число литераторов, покинули страну из-за принципиального несогласия с установившимся там национал-социалистическим режимом. Изученные нами ранее в качестве образцов данного жанра произведения Э.М. Ремарка и Л. Фейхтвангера демонстрируют большую общность в аспектах построения пространства и его взаимодействия с сюжетом; это позволило нам ввести термин «пространство эмиграции» (ПЭ), под которым мы понимаем пространство, выстроенное с точки зрения героя-эмигранта, порождающее

¹ См.: Кудашова Н.Н. Портретизация толпы в тексте прозаического произведения (на материале пролога к роману Клауса Манна «Мефистофель») // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации. – Саранск, 2006. – Вып. 5. – С. 40-44; Albrecht F. Klaus Manns „Mephisto. Roman einer Karriere“ // Weimarer Beiträge. – Berlin ; Weimar, 1988. – Jg. 34. – Nr. 6. – S. 978–1001; Fitzsimmons L. “Scathe me with less fire”: disciplining the African German “Black Venus” in “Mephisto” // Germanic review. – Washington, 2001. – Vol. 76. – Nr 1. Pp. 15–40.

² Хазанов Б. Клаус Манн // Борис Хазанов. – URL: http://boris-chasanow.imwerden.de/klaus_mann.html (дата обращения: 10.03.2013).

определенные типы сюжетов и имеющее свой символический язык.

Теоретическое осмысление вопросов взаимодействия пространства и сюжета ведется в нашей работе в двух основных аспектах. Во-первых, мы рассматриваем, как организована в романе «Вулкан» категория события в ее обусловленности пространственной организацией. Во-вторых, предметом нашего анализа становятся более крупные категории сюжетологии: сюжетный инвариант эмигрантского романа соотносится с архаическими сюжетными схемами, и модификация древних форм сюжета увязывается с трансформацией пространственных координат классического мифа в мире эмиграции.

В связи с этим в представленном исследовании модель сюжетно-пространственного единства, предложенная в работах теоретиков, впервые применена к анализу конкретного литературного материала – романа «Вулкан». Этим фактором, а также неизученностью эмигрантских романов Клауса Манна определяется научная новизна проведенного исследования.

Актуальность представляемой работы обусловлена, во-первых, устойчивым интересом литературоведения к роману и его внутрижанровой типологии. Как справедливо замечает Е.А. Цурганова, «роман как магистральный жанр художественной литературы неизменно находится в поле зрения академической науки и периодической литературоведческой печати»¹. Кроме того, само по себе обращение к жанровой проблематике соответствует современным тенденциям в литературоведении: в настоящий момент – после достаточно долгого периода «недоверия» к категории жанра – происходит возрождение научного интереса к ней². В дискуссии «Какой должна быть история литературы?», организованной журналом «Вопросы литературы» в 1996 году, прозвучал призыв «изучать историю литературы

¹ Цурганова Е.А. Современный роман и особенности литературы второй половины XX в.: введение // Современный роман: Опыт исследования. – М., 1990. – С. 3.

² Лейдерман Н.Л. Теория жанра. – Екатеринбург, 2010. – С. 15.

как смену и борьбу жанров»¹.

Во-вторых, актуальность исследования связана с интересом литературоведческой науки и других гуманитарных дисциплин к изучению проблем эмиграции² (в отечественной науке – в первую очередь к изучению феномена русского Зарубежья).

В-третьих, актуальность обусловлена устойчивым интересом литературоведения и смежных наук к изучению художественного пространства³.

Представляемая работа является частью большого исследования, которое связано с изучением жанровых характеристик немецкого

¹ Там же. – С. 166.

² См., например: Матвеева Ю. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. – Екатеринбург, 2008; Нива Ж. Пути языковой ссылки писателя-эмигранта // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940 : материалы междунар. науч. конф. – М., 2007. – С. 250–262; Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров: Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). – М., 2005; Земсков В.Б. Экстерриториальность как фактор творческого сознания // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу : сб. науч. тр. – Калининград, 2004. – С. 7–14; Герра Р. Они унесли с собой Россию. Русские эмигранты-писатели и художники во Франции (1920–1970). – СПб., 2004; Красавченко Т.Н. Русская литературная эмиграция и политика // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу : сб. науч. тр. – Калининград, 2004. – С. 108–115; Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. – СПб., 2003; Зверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа, 1920–1940. – М., 2003; Berghahn M. Continental Britons: German-Jewish Refugees from Nazi Germany. – New York ; Oxford, 2007; Möller H. Die Emigration aus dem nationalsozialistischen Deutschland: Ursachen, Phasen und Formen // Markus Behmer (Hrsg.). Deutsche Publizistik im Exil 1933 bis 1945: Personen – Positionen – Perspektiven; Festschrift für Ursula E. Koch. – Münster ; Hamburg ; London, 2000. – S. 46–57; Kinnebrock S. „Man fühlt sich, als wäre man geistig ein lebender Leichnam“. Lida Gustava Heymann (1868–1943) – eine genuin weibliche Exilerfahrung? // Ibid. – S. 108–133; Stöber R. Das Netzwerk des Exils. Die *Deutschlandberichte der Sopade* und Sebastian Haffners *Germany: Jekyll & Hyde* im Vergleich // Ibid. – S. 211–222; Behmer M. „Der Tag danach“: Eine Exildebatte um Deutschlands Zukunft // Ibid. – S. 223–244.

³ См.: Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 23–34; Кларк Д.Б. Потребление и город, современность и постсовременность // Там же. – С. 35–64; Шимов Я. Прага: скромное обаяние «посторонней» столицы. Очерк психологии города // Там же. – С. 65–74; Калашников Н. Москва. Окраины // Там же. – С. 135–144; Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Там же. – С. 145–168; Сеннет Р. Тело и камень // Там же. – С. 191–208; Зализняк А.А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол *добираться* // Логический анализ языка: Языки пространств : [сб. ст.]. – М., 2000. – С. 30–37; Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Там же. – С. 93–97; Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира // Там же. – С. 108–116; Кобозева И. М. Грамматика описания пространства // Там же. – С. 152–162.

эмигрантского романа и материалом которого являются произведения писателей-эмигрантов Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера и К. Манна.

Основная часть

1. Пространство эмиграции

В структурном отношении ПЭ выстроено аналогично пространству классического мифа, которое разделено на зоны хаоса (подземный мир и периферия – враждебная и профанная земля) и космические, упорядоченные зоны («средняя земля», небесный мир – сакральная земля)¹. В «нормальной», недеформированной модели мира статусом «этого», своего пространства наделена центральная зона, которая является, соответственно, не только организованным, – «организованность трактуется как вхождение в замкнутый мир»², – но и аксиологически положительным участком. Противоположную расстановку аксиологических маркеров демонстрирует ПЭ: в нем негативные оценочные смыслы закреплены за центром, а позитивные – за периферией пространства.

Символически центральную зону мира эмигрантов образует Германия, «снаружи» которой (draußen) располагается остальной мир³. При этом «немецкий» участок пространства обладает – по сравнению со всеми остальными – самым негативным статусом, это худшая из всех пространственных зон, на которые делится пространство эмиграции.

Такой особый статус раскрывается в тексте романа в нескольких плоскостях. Во-первых, Германия маркируется как «плохая» территория с помощью многочисленной негативной оценочной лексики, относимой ко всему немецкому. Во-вторых, важную роль играет настойчивое подчеркивание К. Манном такой черты проживающих в Германии людей – и самих наци, и их сторонников, – как неразумие⁴; кроме того, Третий Рейх осознается как страна, не охваченная не только разумом, но и культурой⁵.

¹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 2000. – С. 205–212.

² Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – С. 120.

³ Mann K. Der Vulkan: Roman unter Emigranten. – Reinbek bei Hamburg, 1999. – S. 16, 20, 141, 225.

⁴ Ibid. – S. 20, 128, 381, 419, 428, 502.

⁵ Ibid. – S. 38–39, 58, 102, 447–448.

«Одним из самых существенных признаков всякой культуры является разграничение всеобщего пространства (универсума) на внутреннюю – культурную, “свою” – и внешнюю – внекультурную, “чужую” – сферы»¹. В данном случае, опять же, наблюдается полная инверсия пространства эмиграции по отношению к «нормальному» пространству: именно внутренняя сфера является внекультурной. Немаловажную роль играет еще и неоднократно отмечаемая эмигрантами неэстетичность Третьего Рейха, который представляет собой уродливое пространство, населенное и руководимое уродливыми людьми².

Как отмечает Ю.М. Лотман, «всякая модель культуры имеет внутренние разграничения, из которых одно является основным и делит ее на внутреннее и внешнее пространства»³. Поскольку именно «внутреннее» пространство является в мифологической модели мира «своим» и аксиологически положительным, можно утверждать, что на материале центральной зоны ПЭ мы наблюдаем полную аксиологическую инверсию по отношению к мифу, переворачивание таких основополагающих для задания пространственных ориентиров оппозиций, как сакральная/враждебная земля, космос/хаос, наличие/отсутствие культуры, разум/неразумная грубая сила, человеческое/демоническое.

Ближайшую периферию, или первое «кольцо» вокруг Третьего Рейха, образуют другие европейские страны, которые в романе «Вулкан» равноправны и по отношению друг к другу не дифференцированы: в тексте романа неоднократно встречаются свидетельства равнозначности европейского пространства за пределами Третьего Рейха⁴. Вследствие этого

¹ Лотман Ю.М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – С. 380.

² Mann K. Der Vulkan: Roman unter Emigranten. – Reinbek bei Hamburg, 1999. – S. 20, 29, 73–74, 491.

³ Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – С. 142.

⁴ Mann K. Der Vulkan: Roman unter Emigranten. – Reinbek bei Hamburg, 1999. – S. 54, 199, 279, 226, 301, 364.

можно утверждать, что подлинных границ между ними, то есть внутри первого «кольца», нет. Многократно осуществляемое героями-эмигрантами пересечение формально существующих границ между странами первого «кольца» статусом сюжетного события не обладает, поскольку не связано ни с какими пороговыми событиями и не предполагает перемещения в «иное» пространство. По словам Ю.М. Лотмана, «сюжетное движение персонажа (событие) заключается в пересечении им границы пространства модели. Сюжетные изменения, не приводящие к пересечению границы, “событием” не являются»¹. Подлинная граница, переход которой становится сюжетным событием, отделяет окраинное пространство (за пределами Европы) от первого «кольца» – и ее переход, в отличие от перемещения из одного европейского государства в другое, в силу одного только желания героя или стечения обстоятельств невозможен.

Образы стран первого «кольца» в романе «Вулкан» неоднозначны. Ближайшая по отношению к Германии периферия проявляет себя, с одной стороны, как дружественное эмигранту пространство, в котором он чувствует себя комфортно. С другой стороны, близость Третьего Рейха, а главное, его постепенная экспансия и «присвоение» соседних европейских стран приводят к тому, что пространство первого «кольца» действует на героев-эмигрантов с выталкивающей силой, побуждая их покидать Европу и перемещаться в «окраинные» страны, составляющие второе «кольцо» ПЭ. Поэтому Европа, образующая в романе «Вулкан» первое «кольцо» ПЭ, представляет собой «проблематичный континент»².

Наконец, периферийное пространство, в котором существуют эмигранты, связано с идеей границы между миром живых и миром мертвых. Даже с учетом того, что образность на основе оппозиции живое/мертвое у К. Манна используется несколько менее подробно и настойчиво, чем у Ремарка

¹ Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – С. 139.

² Mann K. Der Vulkan: Roman unter Emigranten. – Reinbek bei Hamburg, 1999. – S. 381.

и Фейхтвангера, можно заметить, что первое «кольцо» в романе «Вулкан» – это зона, из которой можно попасть как в мир живых, то есть во второе «кольцо», так и в мир мертвых (уйти из жизни).

Принципиально иное по отношению к Европе пространство представляют собой страны, находящиеся за ее пределами. В романе «Вулкан» это окраинное кольцо ПЭ включает в себя очень значительное число государств: в качестве входящих в него упоминаются США, Китай, Палестина, почти вся Латинская Америка, Новая Зеландия и другие отдаленные от Европы государства. В «окраинных» странах герои-эмигранты обретают утраченное домашнее пространство и получают возможность полноценной профессиональной самореализации. Пространство второго «кольца» изображается у К. Манна как пространство для живых людей, противопоставленное практически подчиненной Третьему Рейху Европе как миру, занимающему промежуточное положение между миром живых и миром мертвых. На фоне первого «кольца» Америка и другие окраинные для пространства эмиграции страны – это мир живых людей, в котором герой-эмигрант может стать таким же живым, обрести гражданство, работу и постоянное место проживания, то есть компенсировать все те «недостачи», которые созданы в его биографии фактом возникновения национал-социалистического режима. Поэтому эмигрантский путь обретает подлинное завершение именно в окраинном пространстве, которое абсолютно противоположно по своим свойствам темному центру.

Таким образом, пространство эмиграции структурно организовано по образцу пространства в классическом мифе, а ценностном отношении характеристики пространства эмиграции «перевернуты» по отношению к нему. Пространство эмиграции центробежно ориентировано, оно предписывает героям движение в строго определенном направлении, «выталкивая» их от «темного» центра – средоточия хаоса и неразумия – к «светлой», упорядоченной, разумной периферии, где возможен переход границы и начало не-эмигрантской жизни.

2. Категория события: комплекс перехода границы

Выявленная в предыдущей главе особая, «вывернутая» во отношении к «нормальной» пространственная организация мира героя-эмигранта позволяет предположить существование в эмигрантском романе сюжетной схемы, тоже «вывернутой» по отношению к традиционной.

Взаимозависимость сюжета и пространственно-временной организации произведения неоднократно отмечалась теоретиками литературы. Так, Н.Д. Тмарченко пишет: «Изображенное пространство-время – это условия, *определяющие характер событий и логику их следования друг за другом*»¹ (выделено мной. – А.П.). Ю.М. Лотман определяет сюжетное событие как «перемещение персонажа через границу семантического поля»², а Н.Д. Тмарченко дополняет это определение следующим образом: «**Событие** – *переход персонажа через границу, разделяющую “семантические поля” в тексте* (с точки зрения автора и читателя) *или части (сферы) пространства-времени в мире* (с точки зрения героя, связанной с его представлениями о цели и о препятствиях к ее достижению)»³. В свете такой концепции события Лотман выделяет в «текстах с отчетливо выраженной сюжетностью» два типа персонажей – «неподвижные, закрепленные за какой-либо ячейкой этого континуума, и подвижные. Первые не могут менять свое окружение, функции вторых именно в движении – из одного окружения в другое. <...> Неподвижные герои являются персонифицированными обстоятельствами, представляя собой лишь имя своего окружения»⁴.

Пространственная обусловленность сюжета объясняется у Лотмана

¹ Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. – Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М., 2004. – С. 178.

² Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 1998. – С. 223.

³ Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М., 2004. – С. 184.

⁴ Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – С. 117.

следующим образом: «Именно потому, что в структуру любой модели культуры входит невозможность проникновения через границу, наиболее типичным построением сюжета является движение через границу пространства. *Схема сюжета возникает как борьба с конструкцией мира*»¹. Сюжетное событие – это перемещение героя в качественно другое пространство, ядро события – переход границы (ПГ), и в этом смысле пространственная организация текста может становиться определяющей по отношению к его сюжету.

В отношении пространственной организации эмигрантского романа можно заметить, что для некоторых произведений характерно присутствие (а для других – семантически нагруженное отсутствие) некоторого участка пространства, который носит рубежный характер. Попадание героя в это рубежное пространство кардинальным образом меняет его судьбу и становится самым важным сюжетным событием, так как связано с пересечением топологической границы либо между первым и вторым «кольцом», либо – в большинстве романов имеет место именно этот вариант – между ближайшей периферией и окраиной пространства эмиграции.

В терминологии М.М. Бахтина эту рубежную зону можно обозначить как «порог» – «проникнутый высокой эмоционально-ценностной интенсивностью» хронотоп, который «может сочетаться и с мотивом встречи, но наиболее существенное его восполнение – это хронотоп кризиса и жизненного перелома»². Прохождение персонажа эмигрантского романа через пороговый (переломный) хронотоп является важнейшей составляющей комплекса перехода границы.

Концентрически выстроенное пространство ведет героев определенным маршрутом, «предписывая» им поэтапное удаление от темного центра ПЭ, и те герои, которые способны привести свою систему ценностей в соответствие

¹ Там же. – С. 128.

² Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 280.

с инвертированной аксиологией ПЭ, успешно проходят путь от центра до окраины, в которой «гасятся» все травмы, нанесенные фактом возникновения режима наци и вынужденной эмиграции. ПГ представляет собой прохождение героя через переломный хронотоп, то есть пространственный феномен – перемещение из одного «кольца» пространства в следующее, принципиально иное. При этом он, с одной стороны, обязательно должен быть подготовлен сюжетными событиями, имеющими «пороговый», рубежный статус, с другой – он становится ключевым фактором катарсического завершения сюжетной линии героя.

Для главной героини романа Марион фон Каммер таким событием является совершенное в ее пользу жертвоприношение Марселя Пуаре. Основным следствием перехода является, в свою очередь, появление героини в представленном Америкой пространстве второго, окраинного «кольца», что освобождает ее от травм немецкого и европейского периода ее жизни, ликвидируя «недостачу» (термин В.Я. Проппа¹), и дает ей возможность раскрыться как фемининной личности. Сигналом такого катарсического завершения сюжетной линии героини является ее свадьба, которая, по О.М. Фрейденберг, является «действом победы над смертью»²: заключение брака с Бенямином Абелем позволяет ей сохранить жизнь ребенку, в котором символически воскресает Марсель Пуаре. Утраченное в результате вынужденной эмиграции «свое», домашнее пространство Марион также обретает в окраинном «кольце».

Для Давида Дойча ПГ тоже связан с жертвоприношением, которым становится для него отказ от научной работы, связанной с социологическим изучением немецкой эмиграции. Он проходит обучение в специальном лагере по переподготовке еврейской интеллигенции и получает работу во французских колониях. Жертвоприношение и ПГ дают герою возможность освободиться от травм «немецкого» и «европейского» периодов его жизни, а

¹ См.: Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М., 2001. – С. 26–61.

² Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М., 1997. – С. 75.

обретение «своего места» во французских колониях уподобляется ритуальному соединению царя или героя с землей, которое было знаком совершившегося обновления мира.

Профессор Бенъямин Абель также переходит границу, перемещается в Америку – одну из стран окраинного «кольца» – и не планирует возвращаться в Европу даже в случае краха национал-социалистического режима. Следствием переезда героя в США становится обретение им постоянного места работы (в университете штата Северная Каролина), дома и семьи; этим ликвидированы все возникшие в его жизни «недостачи». Пороговым событием, которое является обязательным условием ПГ, является в случае Абеля имеющий фольклорные корни выкуп препятствию – он оставляет в Германии Аннетту Леманн, с которой поддерживал связь в течение многих лет, и символически отдает ее миру мертвых, чтобы самому выйти из промежуточного состояния и присоединиться к миру живых.

По такому же принципу выстроены сюжетные линии и многих персонажей произведений Э.М. Ремарка и Л. Фейхтвангера, которые либо приносят жертву (или в их пользу приносит жертву кто-то другой), либо осуществляют месть и тем самым ликвидируют препятствующие переходу невыполненные обязательства – и благодаря этому успешно проходят через пороговый хронотоп и присоединяются к миру живых. Однако в большинстве рассмотренных нами эмигрантских романов присутствует и другая категория персонажей, которые из свойственного героям-эмигрантам промежуточного состояния между жизнью и смертью переходят в мир мертвых – в романе «Вулкан» это, например, Мартин Корелла, Натан-Морелли, Тилли фон Каммер, Зигфрид Бернхайм.

Сюжетные линии этого типа героев следует квалифицировать как некатарсичные, поскольку в них ликвидации «недостачи» не происходит. Это напрямую связано с тем, что данной группе персонажей присуща ностальгия по своему донацистскому прошлому и Германии, т.е. их система ценностей ориентирована центростремительно. Вследствие этого они ничем не

жертвуют, не проходят через пороговый хронотоп и не перемещаются в окраинное кольцо пространства эмиграции. Если герои, пересекающие границу, выходят в мир живых, то герои с центростремительной системой ценностей на такой выход не способны и в ряде случаев пребывание в промежуточном состоянии заканчивается соединением с миром мертвых. Некоторые из них осознают Германию как материнское пространство. Это позволяет выделить еще одно измерение предложенной типологии героев-эмигрантов: пересекающие границу персонажи пережили психологическое рождение, а не переходящие границу остаются в границах материнского мира и покидать его не хотят.

Такое построение типологии персонажей эмигрантского романа во многом опирается на наблюдения, приводимые Ю.М. Лотманом: «Отношение к пространству является важнейшим условием идентификации разных элементов повествования в персонаж как единую парадигму»¹. Именно по этому критерию – отношение к пространству – герои эмигрантского романа поддаются делению на два основных типа, на пересекающих и не пересекающих границу. В силу этого пространственный феномен ПГ становится ключевым фактором ликвидации «недостачи» в сюжетной линии героев, а его отсутствие делает такую ликвидацию невозможной. Поэтому катарсис – компонент сюжета – во многом оказывается пространственно обусловленным.

3. Катарсический сюжет

Анализ категории события в эмигрантском романе показал, что статусом события в данном типе повествования обладает пересечение героем-эмигрантом границы между ценностно различными участками пространства; в большинстве случаев переходом границы является перемещение в окраинное «кольцо».

¹ Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – С. 118.

Событие как пересечение границы – феномен, сформировавшийся в рамках циклического сюжета (ЦС). Точнее, именно «изгибание» ряда (характерного для предшествующего, кумулятивного типа сюжета) в цикл стало моментом появления ЦС: как пишет С.Н. Бройтман, «известные нам связные изложения мифов начинаются с того, что герой *пересекает пространственно-топологическую границу между мирами...* Теперь именно *пересечение такого рода границы, а не простая смена форм, становится сюжетным событием*»¹.

ЦС сформировался в эпоху синкретизма и представляет собой, по С.Н. Бройтману, второй в исторической перспективе сюжетный вид: более древним является сюжет кумулятивный². Циклический характер носит ряд мифологических и фольклорных сюжетов. Основой данного типа сюжета Бройтман называет «трехчленную циклическую схему “потеря-поиск-обретение”»³, которую он обнаруживает, например, в древнем и античном эпосе, где «исходным сюжетным событием является потеря героем страны и жены... Затем следует процессуально развернутый поиск... Кульминационным моментом поисков является бой героя с антагонистом, происходящий в “чужом” мире, то есть за чертой топологической границы. Завершается эпопея “обретением” – победой героя, обретением страны-жены и обратным пересечением топологической границы»⁴.

ЦС волшебной сказки подробно изучен В.Я. Проппом; позже представители французской семиотической школы сделали попытку экстраполировать его модель на другие типы повествовательных текстов⁵.

Присутствующий в циклической модели момент «возвращения»

¹ Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. – Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М., 2004. – С. 64.

² Там же. – С. 63.

³ Там же. – С. 66.

⁴ Там же. – С. 66.

⁵ Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М., 2000. – С. 246.

(«обретения») получил особое теоретическое осмысление. В.Е. Хализев в своей «Теории литературы», обращаясь к А.Ж. Греймасу и введенному им термину «медиация повествования»¹, специально оговаривает: «Событийные ряды, по Греймасу, осуществляют *медиацию* (обретение мира, середины, центральной позиции), которая, заметим, сродни катарсису»².

Понятие «катарсис» возникло в античной обрядности, было переосмыслено Аристотелем³ и перенесено в сферу восприятия зрителем трагического действия, а затем большинством теоретиков переведено в область содержания драматического (и затем повествовательного) произведения. Именно в этом понимании аристотелевский теоретический конструкт «катарсис» был впоследствии востребован рядом исследователей, вследствие чего появился ряд терминов, несущих в большей или меньшей степени ту же смысловую нагрузку. Сюжетная схема древнегреческой трагедии, в основе которой лежит циклическая модель, была выявлена рядом позднейших исследователей и на материале ряда нетрагических и даже недраматических жанров. Это позволяет установить терминологическую синонимию между аристотелевским понятием «катарсис» и его аналогами в позднейших эстетических трудах:

- нехватка – недостача – «расторжение договора»⁴ – нарушение установленного порядка – «нарушение равновесия»⁵ – коллизия – отклонение от нормы – нарушение – потеря;
- катарсис – ликвидация нехватки (недостачи) – гуманизация мира – оправдание мира – компенсация – восстановление договора – устранение нарушения – обретение – медиация.

По мнению В.Е. Хализева, «в литературе наиболее глубоко укоренены

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. – Изд. 2-е. – М., 2000. – С. 219.

² Там же.

³ Греймас А.Ж. В поисках трансформационных моделей // Греймас А.Ж. Структурная семантика: поиск метода. – М., 2004. – С. 283.

⁴ Там же. – С. 283.

⁵ Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. – Т. 2 : Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М., 2004. – С. 66.

сюжеты, конфликты которых по ходу изображаемых событий возникают, обостряются и как-то разрешаются – преодолеваются и себя исчерпывают»¹. В драматических и эпических произведениях конфликт носит внутрисюжетный характер². Такого рода «сюжеты с обильными перипетиями и умиротворяющей развязкой (или эпилогом) воплощают представление о мире как о чем-то устойчивом, определенно-твердом, но вместе с тем не окаменевшем, исполненном движения (более колебательного, нежели поступательного), – как о надежной почве, подспудно и глухо сотрясаемой силами хаоса. Сюжеты, где присутствуют перипетии и гармонизирующая развязка, воплощают глубокие философические смыслы и запечатлевают видение мира, которое принято называть классическим»³. По мнению Хализева, все «традиционные сюжеты катарсичны»⁴ (исходя из логики приводимых рассуждений, можно заключить, что здесь имеется в виду циклический характер традиционных сюжетов).

Однако в XIX–XX вв. в литературе начинают формироваться «неканонические сюжеты»; «соответственно менялась и художественно запечатлеваемая картина мира: человеческая реальность все рельефнее представала в ее далеко не полной упорядоченности, а в ряде случаев, особенно характерных для XX в. (вспомним Ф. Кафку), как хаотическая, абсурдная, сущностно негативная»⁵. Катарсис перестает быть необходимым структурным компонентом сюжета повествовательного и драматического произведения, «цикл оказался разомкнутым в многомерный и вероятно множественный становящийся ряд»⁶.

Сюжет эмигрантских романов Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, К. Манна во всех случаях строится на том, что герой (или герои) начинает свое

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. – Изд. 2-е. – М., 2000. – С. 217.

² Там же.

³ Там же. – С. 221.

⁴ Там же. – С. 226.

⁵ Там же. – С. 225.

⁶ Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. – Т. 2 : Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М., 2004. – С. 304.

движение в какой-то одной точке центробежно ориентированного пространства эмиграции, совершает по нему перемещение в направлении к его периферии, в какой-то другой точке прерывает или завершает свой путь, пытается осмыслить его и определить свое отношение к нему.

Основным направлением пространственных преобразований, имеющим место в ПЭ, является расширение границ центральной территории за счет периферийных зон. Такое расширение обусловлено стремлением Третьего Рейха подчинить своему прямому и косвенному влиянию как можно больше стран и ликвидировать очаги идеологического сопротивления на периферийных участках территории. Этот процесс также представляет собой инверсию соответствующих процессов, происходящих в мифологическом пространстве, где центральная – сакральная – зона расширялась за счет присвоения и «окультуривания» соседних профанных земель. В ПЭ этот процесс имеет противоположную аксиологию и выглядит не распространением законов и культуры, а экспансией варварства и дикости.

Аналогичные явления представлены в романе Клауса Манна «Вулкан», где центральный «темный» участок пространства, образуемый Третьим Рейхом, действует на эмигрантов с выталкивающей силой, побуждая удаляться от него на все более значительное расстояние.

Расширение центральной, «темной» зоны ПЭ проявляется не только в глобальном «измерении» – основным из таких «больших» событий является присоединение Заара и Австрии к Германии, – но и в ряде событий «маленьких», которые в то же время укладываются в основную тенденцию пространственной динамики в романе: герои-эмигранты в той или иной форме вытесняются либо персонально героями-наци, либо под воздействием усилившегося немецкого влияния.

Если самым фактом возникновения темного мира (установление в Германии национал-социалистического режима) эмигранты выталкиваются в пространство первого «кольца», то расширение этого темного мира становится причиной дальнейшего вытеснения героев-эмигрантов – из

первого «кольца» во второе. Причем описанные динамические процессы в ПЭ имеют в романах К. Манна (чего нет ни у Ремарка, ни у Фейхтвангера) еще одно следствие – то, что среди эмигрантов выделяется особая группа персонажей, которые берут на себя функцию сопротивления экспансии немецкого «варварства»¹. В свете дифференциации «разумных» и «неразумных» участков в пространстве эмиграции можно говорить о том, что «цивилизованные» периферийные зоны пространства порождают культурных героев (КГ) – их функцию выполняют те из эмигрантов, которые участвуют в борьбе против наци, сопряженной с нелегальными поездками в Германию с целью пропаганды, распространения запрещенного материала и т.п. Функции КГ – «защитить род людской и вообще весь мир человеческий от злых чудовищ, которые либо воплощают в своем образе гибель мира, либо грозят разрушить только что сотворенный мир и снова ввергнуть его в первозданный хаос»²; такую же угрозу для разумного мира создает расширяющееся национал-социалистическое государство.

Катарсис, который у разных теоретиков обозначается также терминами «восстановление договора», «медиация», «компенсация» и др., мы связываем с категорией «мир героя» и понимаем как ликвидацию недостачи в частном мире одного или нескольких персонажей. При сопоставлении данных, полученных при анализе комплекса ПГ в эмигрантском романе, с выявленными закономерности влияния структуры пространства и происходящих в нем динамических процессов на формирование сюжета обнаруживается следующая закономерность: завершение сюжетной линии того или иного героя «ликвидацией недостачи», необходимым условием которого является переход границы и перемещение в окраинное «кольцо», *связано в пространственном отношении не с возвращением в исходную точку (как в циклическом сюжете), а с максимальным удалением от нее.*

¹ Mann K. Der Vulkan: Roman unter Emigranten. – Reinbek bei Hamburg, 1999. – S. 22.

² Альбедиль М.Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. – СПб., 2002. – С. 175–176.

Циклическая модель «путешествия туда и обратно» в эмигрантском романе разворачивается в «путешествие из центра на окраину» – при сохранении всех «событийных» закономерностей циклического сюжета, т.е. при полной реализации схемы «потеря – поиски – обретение».

В связи с этим термин «циклическая схема», который значим для теоретического осмысления сюжетологии эмигрантского романа, применять к сюжету данного типа повествования нельзя. Поэтому мы предлагаем в качестве альтернативы ему термин «катарсический сюжет» (КС), в котором схема «потеря – поиски – обретение» разворачивается в рамках «путешествия из центра на окраину» и катарсис обеспечивается не возвращением, а прибытием в окраинное «кольцо».

Центральные сюжетные линии романа «Вулкан», основанные на комплексе ПГ, представляют собой именно КС. Кроме того, в романе наблюдаются параллельные основным (в рамках которых функциями-коррелятами¹ «недостача» и «ликвидация недостачи» являются «европейские» травмы и их компенсация в США или французских колониях у Марион, Абеля и Давида) катарсические линии – линия Дитера, который освобождается от своих иллюзий по поводу национал-социализма и становится эмигрантом, и Кикжу, который дважды проходит посвящение (инициацию). В обоих случаях посвящение Кикжу становится частью механизмов компенсации: в первом случае он становится КГ, замещая погибшего Марселя, а во втором – писателем, замещая умершего Мартина и ликвидируя тем самым вызванные их смертью недостачи. С учетом катарсического характера сюжетных линий главных героев (Марион, Абеля и Давида), а также факта компенсации гибели Марселя и смерти Мартина, осуществляемой Кикжу, и катарсической «рамки» в виде Пролога и Эпилога (где развернут сюжет Дитера) «Вулкан» К. Манна может быть

¹ Термин Р. Барта. См.: Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М., 2000. – С. 205–206.

квалифицирован как роман катарсический.

Заключение

Анализ пространственной и сюжетной организации романа «Вулкан» в их взаимодействии друг с другом показал, что ПЭ в структурном отношении повторяет концентрические круги пространства классического мифа при полной инверсии по отношению к нему. Обращение авторов эмигрантских романов к мифологическому пространству как основе для моделирования пространства эмиграции представляется нам вполне закономерным, так как укладывается в логику европейского литературного процесса XX века. «В XX в. использование мифа в литературе оказалось явлением чрезвычайно неоднородным»¹, причем он «выполняет не только сюжетобразующие функции»². Существует распространенное мнение о том, «что мифотворчество – признак модернистского искусства»³, однако, как отмечает Е.А. Цурганова, в XX веке писатели, придерживающиеся скорее реалистической манеры письма, тоже активно обращаются к мифу: он «присущ разным методам, с его помощью можно воссоздать разные концепции мира и личности»⁴. Показательным примером такой мифологизации в целом реалистического по своей природе произведения можно считать эмигрантский роман, основным путем введения мифа в который становится моделирование пространства.

Пространственные координаты мира эмиграции, «перевернутые» по отношению к «нормальным», формируют аналогичным образом инвертированный по отношению к традиционному (ЦС) тип сюжета: при сохранении компенсирующего сюжетного построения и статуса события (ПГ) эмигрантский роман не содержит в себе элемента возвращения в

¹ Медведева Н.Г. Взаимодействие мифа и романа в литературе // Современный роман: Опыт исследования. – М., 1990. – С. 58.

² Там же. – С. 6.

³ Цурганова Е.А. Современный роман и особенности литературы второй половины XX в. // Современный роман: Опыт исследования. – М., 1990. – С. 9.

⁴ Там же.

исходную точку, вследствие чего для описания сюжетной линии героя-эмигранта как «пути из центра на окраину» нам понадобился новый термин – КС.

Особого внимания заслуживает обнаруженная нами «первичность» ПЭ по отношению к сюжету эмигрантского романа: именно ПЭ, будучи нестационарным пространством с расширяющейся центральной зоной, побуждает героев к выбору системы ценностей (центробежной или центростремительной) с последующим ПГ или воссоединением с миром мертвых. Именно расширение темного мира (и возникающий вследствие этого «выталкивающий» импульс) является ключевой детерминантой событийного ряда эмигрантского романа.

Наблюдения над поэтикой «Вулкана» К. Манна позволяют говорить об очевидном сходстве его пространственного моделирования и сюжетостроения с аналогичными особенностями поэтики эмигрантского романа у Ремарка и Фейхтвангера. В связи с этим правомерно говорить о жанровой природе данного типа повествования, поскольку и пространственная, и сюжетная организация являются, по Н.Л. Лейдерману, важнейшими «носителями жанра»¹. Установление того факта, что в 1930-е годы в немецкой литературе сформировался новый жанр, дает возможность скорректировать представление о немецком литературном процессе в эмиграции.

¹ Лейдерман Н.Л. Теория жанра. – Екатеринбург, 2010. – С. 121.

Список использованных источников

1. Mann K. Der Vulkan: Roman unter Emigranten. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1999. – 572 S.
2. Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров: Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). – М. : Совпадение, 2005. – 335 с.
3. Альбедиль М.Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. – СПб. : Паритет, 2002. – 336 с.
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М., 2000. – С. 205–206.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 121–290.
6. Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 145–168.
7. Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 239–246.
8. Герра Р. Они унесли с собой Россию. Русские эмигранты-писатели и художники во Франции (1920–1970). – СПб. : Изд-во «Русско-Балтийский информ. центр “БЛИЦ”», 2004. – 416 с.
9. Греймас А.Ж. В поисках трансформационных моделей // Греймас А.Ж. Структурная семантика: поиск метода. – М., 2004. – С. 278–319.
10. Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. – СПб. : Гиперион, 2003. – 296 с.
11. Зализняк А.А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол *добираться* // Логический анализ языка: Языки пространств : [сб. ст.]. – М., 2000. – С. 30–37.
12. Зверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа, 1920–1940. – М. : Мол. гвардия, 2003. – 372 с.
13. Земсков В.Б. Экстерриториальность как фактор творческого сознания // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу : сб. науч. тр. – Калининград, 2004. – С. 7–14.
14. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 23–34.
15. Калашников Н. Москва. Краины // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 135–144.
16. Кларк Д.Б. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 35–64.
17. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка: Языки пространств : [сб. ст.]. – М., 2000. – С. 152–162.
18. Красавченко Т.Н. Русская литературная эмиграция и политика // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу : сб. науч. тр. – Калининград, 2004. – С. 108–115.
19. Кудашова Н.Н. Портретизация толпы в тексте прозаического произведения (на материале пролога к роману Клауса Манна «Мефистофель») // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации. – Саранск, 2006. – Вып. 5. – С. 40–44.
20. Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка: Языки пространств : [сб. ст.]. – М., 2000. – С. 93–97.
21. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. – Екатеринбург : УрГПУ, 2010. – 904 с.
22. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – С. 109–142.
23. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве: Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). – СПб., 1998. – С. 14–285.

24. Лотман Ю.М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – С. 376–387.
25. Матвеева Ю. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 196 с.
26. Медведева Н.Г. Взаимодействие мифа и романа в литературе // Современный роман: Опыт исследования. – М., 1990. – С. 57–68.
27. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М. : Восточная литература, 2000. – 408 с.
28. Нива Ж. Пути языковой ссылки писателя-эмигранта // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940 : материалы междунар. науч. конф. – М., 2007. – С. 250–262.
29. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М. : Лабиринт, 2001. – 144 с.
30. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: Языки пространств : [сб. ст.]. – М., 2000. – С. 108–116.
31. Сеннет Р. Тело и камень // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 191–208.
32. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы : учеб. пособие : в 2 т. – М. : Академия, 2004.
33. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
34. Хазанов Б. Клаус Манн // Борис Хазанов [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://boris-chasanow.imwerden.de/klaus_mann.html (дата обращения: 10.03.2013).
35. Хализев В.Е. Теория литературы. – Изд. 2-е. – М. : Высш. шк., 2000. – 398 с.
36. Цурганова Е.А. Современный роман и особенности литературы второй половины XX в.: введение // Современный роман: Опыт исследования. – М., 1990. – С. 3–24.
37. Шимов Я. Прага: скромное обаяние «посторонней» столицы. Очерк психологии города // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 65–74.
38. Albrecht F. Klaus Manns „Mephisto. Roman einer Karriere“ // Weimarer Beiträge. – Berlin ; Weimar, 1988. – Jg. 34. – Nr. 6. – S. 978–1001.
39. Behmer M. “Der Tag danach”: Eine Exildebatte um Deutschlands Zukunft // Markus Behmer (Hrsg.). Deutsche Publizistik im Exil 1933 bis 1945: Personen – Positionen – Perspektiven; Festschrift für Ursula E. Koch. – Münster ; Hamburg ; London, 2000. – S. 223–244.
40. Berghahn M. Continental Britons: German-Jewish Refugees from Nazi Germany. – New York ; Oxford : Berghahn Books, 2007. – 270 pp.
41. Fitzsimmons L. “Scathe me with less fire”: disciplining the African German “Black Venus” in “Mephisto” // Germanic review. – Washington, 2001. – Vol. 76. – Nr 1. Pp. 15–40.
42. Kinnebrock S. „Man fühlt sich, als wäre man geistig ein lebender Leichnam“. Lida Gustava Heymann (1868-1943) – eine genuin weibliche Exilerfahrung? // Markus Behmer (Hrsg.). Deutsche Publizistik im Exil 1933 bis 1945: Personen – Positionen – Perspektiven; Festschrift für Ursula E. Koch. – Münster ; Hamburg ; London, 2000. – S. 108–133.
43. Möller H. Die Emigration aus dem nationalsozialistischen Deutschland: Ursachen, Phasen und Formen // Markus Behmer (Hrsg.). Deutsche Publizistik im Exil 1933 bis 1945: Personen – Positionen – Perspektiven; Festschrift für Ursula E. Koch. – Münster ; Hamburg ; London, 2000. – S. 46–57.
44. Stöber R. Das Netzwerk des Exils. Die *Deutschlandberichte der Sopade* und Sebastian Haffners *Germany: Jekyll & Hyde* im Vergleich // Markus Behmer (Hrsg.). Deutsche Publizistik im Exil 1933 bis 1945: Personen – Positionen – Perspektiven; Festschrift für Ursula E. Koch. – Münster ; Hamburg ; London, 2000. – S. 211–222.

Приложение.

Список публикаций по результатам научно-исследовательской работы

Статьи в журналах ВАК

1. Поршнева А.С. Динамика пространства эмиграции в романе Клауса Манна «Вулкан» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 3 (23). – С. 145–151.

Статьи, принятые к печати в журналах ВАК

2. Поршнева А.С. Пространство эмиграции в романе Клауса Манна «Вулкан» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – В печати. (Объем – 16 страниц.)
3. Поршнева А.С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Вулкан»: на материале сюжетной линии главной героини // Известия Саратовского университета. – 2013. – В печати. (Объем – 13 страниц.)
4. Поршнева А.С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Вулкан»: на материале сюжетной линии Бенямина Абеля // Известия Уральского федерального университета. – 2013. – № 4. – В печати. (Объем – 18 страниц.)
5. Поршнева А.С. «Вулкан» Клауса Манна: сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» и типология героев // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – В печати.

Статьи и материалы конференций, принятые к печати

6. Поршнева А.С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Вулкан»: на материале сюжетной линии Давида Дойча // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сборник статей по материалам международной научной конференции (Саратов, 23-24 мая 2013 г.). – Саратов, 2013. – В печати. (Объем – 8 страниц.)
7. Поршнева А.С. Сюжетный комплекс посвящения в романе Клауса Манна «Вулкан» // Мировая литература в контексте культуры : сборник материалов X научной конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (8 апреля 2013 г.) и всероссийской студенческой научной конференции (9 апреля 2013 г.). – Пермь : ПГУ, 2013. – В печати. (Объем – 6 страниц.)

Подготовлен текст *монографии* «Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн)».